

Линь У опустил голову, глядя, как серебристо-серая шерсть слегка коснулась его ноги. Он не мог отвести глаз, провожая зверя взглядом, пока тот не скрылся за дверью деревянного дома.

Через несколько минут из дома кто-то вышел.

Это был уже не тундровый волк, а Тао Цэжань, укутанный в плотный пуховик.

Впрочем, «вышел» — это громко сказано: его ноги все еще оставались на пороге, словно он не желал делать наружу ни единого лишнего шага.

— Дядя... — наконец подал голос Линь У, собираясь спросить, правда ли это он, но Тао Цэжань его опередил.

— Вы не могли бы зайти в дом? На улице жуткий холод. — Только что выглядевший столь величественно тундровый волк теперь закутался в пуховик, словно цзунцзы.

— Давайте зайдём в дом, — поддержал его Чжао Ли. — Он действительно жутко боится холода.

Линь У растерялся:

— Разве тундровые волки живут не в холодных краях?

Тундровый волк, также известный как сибирский волк.

Как человек, чьими однокурсниками были «ездовая собака» и амурский тигр родом из Сибири, Линь У теперь не понаслышке знал о морозостойкости сибирской фауны.

— Когда он обращается в волка, холод ему нипочем, — пояснил Чжао Ли.

Вслед за Чжао Ли Линь У и Ван Е впервые переступили порог деревянного дома.

Внутри было всего три комнаты, которые вместе с забором образовывали замкнутый двор.

Чжао Ли привел их в самую среднюю комнату.

Прямо у входа возвышался большой кан. На одном его конце у стены стоял шкафчик для постельных принадлежностей, сквозь стеклянные дверцы которого виднелись аккуратно сложенные одеяла. Под каном располагалась топка, откуда слабо пробивался свет пламени. Непрерывное горение внизу согревало всю лежанку, защищая от лютой стужи снаружи.

Тао Цэжань устроился на теплой лежанке, блаженно зажмурившись, и похлопал по месту рядом с собой:

— Идите сюда, присаживайтесь, здесь очень тепло.

Он терпеливо подождал, пока Линь У и Ван Е устроятся на кане.

Только тогда Тао Цэжань кивнул:

— Ну вот, все именно так, как вы видите.

Линь У промолчал:

— ...

«Что еще за "именно так"?!» — мысленно возмутился он.

— Я могу превращаться в волка, — озорно улыбнулся Тао Цэжань, сообщая об этом с такой легкостью, будто говорил о погоде. — Вот только когда возвращаешься в человеческий облик, одеваться хлопотно.

— И как ты это делаешь? — сгорая от любопытства, спросил Ван Е.

— Да прямо здесь, — ответил Тао Цэжань. — Но если спросишь, как именно, я и сам толком не объясню...

Это случилось вскоре после начала каникул, когда он уже прожил на горе несколько дней.

В тот день, как и сегодня, стоял мороз, но светило яркое солнце. Он как раз вынес мольберт и только присел, как заметил дикого кролика, который вприпрыжку скрылся в лесу.

— В тот же миг я отложил кисть, — Тао Цэжань посмотрел в окно, где тянулись заснеженные хребты, а ветер шумел в кронах сосен. — Тогда я подумал: во мне уже пробудилась дикая природа, так зачем мне смотреть на эти горы и леса сквозь призму своих картин? Я не хотел быть просто наблюдателем. Мне хотелось почувствовать их, слиться с ними...

Словно замороженный, он последовал за кроликом в самую чашу.

В тот момент он будто забыл, что он человек.

Он вел себя как настоящий волк: чуял запах кролика, слышал, как снег осыпается с хвойных веток. Он перестал быть чужаком, вторгшимся в эти леса, а стал их частью, которую природа нежно обняла и приняла.

Он побежал, преследуя гуляющий среди деревьев ветер, кружащийся в воздухе снег и струящуюся по горным расщелинам воду. Он слушал голоса всего живого, всем телом запоминал расположение каждого дерева, каждого куста. Он стремился к буйству жизни, сам становясь его частью; он жаждал ощутить биение жизни и в этом стремлении по-настоящему познал ее живую страсть!

— Когда я пришел в себя, солнце уже зашло, — Тао Цэжань перевел взгляд на Ван Е и Линя У, но в его глазах все еще плясала неугасимая искра жизни. — К тому моменту я превратился в настоящего волка.

В сумеречном лесу сгущалась темнота.

Поднявшись с мягкого снега, зверь обнаружил, что перед его глазами теперь не высокие стволы деревьев, а низкие кустарники.

Пуховик и одежда под ним сковывали движения, причиняя неудобства. Лишь после долгой борьбы ему удалось выбраться из этой груды вещей.

Молодой тундровый волк встряхнул головой и телом, и над лесом разнесся его протяжный вой.

Вскоре с далеких склонов донеслись ответные голоса сородичей. Они вторили ему один за другим, словно разделяя радость его перерождения.

— И все? — удивился Ван Е.

— И все, — подтвердил Тао Цэжань.

— И ты совсем не помнишь сам процесс превращения?

Тао Цэжань развел руками.

Ван Е зашел с другого бока:

— А как сейчас? Можешь свободно переключаться между человеческим обликом и волчьим?

— Да.

— Что ты чувствуешь во время превращения?

— Кости жутко ломит, — без колебаний назвал свою главную проблему Тао Цэжань. — Но если перетерпеть, все проходит. Это временно, как только форма стабилизируется, боль уходит.

— Ты можешь превратиться просто по желанию, или нужен какой-то ритуал?

— Ритуал?

— Ну, особая поза, заклинание или секретное слово.

— ...У меня пробуждение дикой природы, а не превращение в девочку-волшебницу.

Устав от расспросов Ван Е, Тао Цэжань переключил внимание на Линь У.

Родной племянник, казалось, все еще пребывал в глубоком шоке.

Тао Цэжань протянул руку и ущипнул Линь У за щеку:

— Эй...

Линь У вздрогнул и опомнился:

— А?

Тао Цэжаню стало и жалко его, и смешно:

— Твой однокурсник уже готов взять у меня подробное интервью, а ты сам ничего спросить не хочешь?

Линь У потер щеку, его мозг по-прежнему соображал туго.

Если пробуждение дикой природы перевернуло эволюционные представления всего мира, то случай Тао Цэжана и вовсе разрушал их до основания, требуя переосмыслить все заново.

Потрясение было слишком сильным, и Линь У требовалось время, чтобы уложить все это в голову.

В то же время он невольно восхищался Ван Е, который в такой момент умудрялся сыпать вопросами.

Линь У молча повернулся к другу.

Тот по-прежнему во все глаза смотрел на его дядю, будто надеялся пристальным взглядом разгадать тайну его превращения.

Линь У впервые видел на лице Ван Е столько разных эмоций.

Его глаза, обычно сонные и ко всему равнодушные, сейчас светились завистью, предвкушением и азартом, в которых сквозило досадное разочарование от собственного бессилия.

В комнате воцарилась тишина.

Слышался лишь тихий треск дров в топке кана.

Внезапно все четверо одновременно вскинули головы. В их глазах вспыхнула настороженность.

Снаружи послышался шорох.

Очень тихий, будто какой-то зверь крался, намеренно ступая как можно мягче по свежему снегу.

— Оставайтесь здесь и не двигайтесь, — Чжао Ли поднялся и направился к выходу.

Тао Цэжань перехватил его за руку и тоже спустился с кана:

— Я с тобой.

Линь У и Ван Е переглянулись и тут же соскочили на пол.

Вокруг глухая тайга, но даже если это дикий зверь, их все-таки было четверо. К тому же Тао Цэжань, способный обращаться в волка, стоил полутора бойцов. Если объединить усилия, их боевая мощь будет весьма приличной.

Четверо вышли во двор и остановились у самой калитки. Не делая больше ни шага наружу, они настороженно уставились в ту сторону, откуда доносился звук.

Чуть впереди наискосок, в густых зарослях пихты, кто-то пробирался. Внешние ветки, отяжелевшие от снега, едва заметно подрагивали.

Линь У сглотнул от волнения. Его дикие инстинкты почуяли исходящую от незваного гостя угрозу, заставив сердце биться чаще.

Дрожь пихтовых ветвей становилась все сильнее, с них осыпались последние хлопья снега.

Сквозь просветы в хвое мелькнул клочок шерсти.

Линь У быстро прищурился, пытаясь разглядеть окрас.

Серовато-белый фон с черными пятнами.

Что же это за зверь?

Линь У озадаченно нахмурился. Опасных хищников на горе Чанбайшань не так уж много: медведи, тигры, кабаны... Но ни у кого из них нет подобного окраса.

— Шурх!

Крайние пихтовые ветви раздвинулись, и наружу выбрался серо-белый пятнистый леопард.

Мощные лапы, пушистый длинный хвост и ледяные кошачьи глаза.

...Снежный барс?!

Линь У изумленно округлил глаза.

Он точно помнил, что снежные барсы обитают в высокогорьях — на Тянь-Шане в Синьцзяне или в провинции Цинхай. И хотя в книгах упоминалось, что они встречаются и в низкогорных районах Внутренней Монголии, но чтобы на горе Чанбайшань? Seriously?

Разве хозяевами тайги на Северо-Востоке не должны быть косолапые медведи да амурские тигры?

Выбравшись из чащи, снежный барс не стал приближаться. Он застыл на месте, склонив голову набок и оценивающе разглядывая стоящую у калитки четверку, словно изучал силы противника.

Только сейчас Линь У заметил, что на спине у барса что-то есть.

Кажется... брендовый рюкзак, сплошь покрытый узнаваемыми логотипами?

Как только Тао Цэжань и Чжао Ли разглядели снежного барса, они тут же расслабились.

— Все в порядке, — лениво облокотился на калитку Тао Цэжань. — Это свой.

Снежный барс глухо рыкнул, словно выражая недовольство, развернулся и скрылся обратно в густых пихтовых ветвях.

Из зарослей донесся тихий шорох.

<http://bllate.org/book/18288/1753647>